

Прохаживаясь по лагерю, у Рен в груди нарастало странное ощущение. Ей казалось, что весь лагерь угодил в потусторонний мир. Ведь раньше воины, видя её, хоть как-то показывали свое отношение, в частности к её присутствию. Но не после той битвы...

Вот и сейчас, ловя пустые взгляды воинов, Рен чувствует себя неловко. Девушке происходящее напоминает страшный сон, где каждый встречный лишь жалкий силуэт, не отличающийся от потерянной души.

Воины стараются без особой причины не вести разговоры. Да что там говорить, девушка порой замечала, как вчерашние, оживленные бойцы, теперь пытались не заглядывать в друг другу глаза.

И Рен понимала, что воины еще не отошли от битвы. От ужасающей потери. Ведь, несмотря на все усилия, на военные ухищрения, воинов во второй битве при Каванакадзиме погибло больше.

Раненные воины, по мнению девушки, напоминали собой побитых собак, которые зализывали свои раны. Хоть повязок и лекарств на всех не хватало, но они не роптали, молча перенося все невзгоды.

Обычно простые асигару, получив тяжелые раны, были не только от боли. Но чаще осознавая, что в нынешнее время при потерянных конечностях они уже никому не нужны. Быть обузой семье, своей родине — незавидная участь.

Даже, услышав Рен грубые словечки в сторону вышестоящих самураев, она бы не удивилась. Ведь зачастую командующие пожинают плоды не только побед, но и поражения. В этом нет ничего сверхъестественного. Удивляло её другое, а именно то, что простые асигару ни разу не сказали слово укора в сторону ни Канске, ни Сингена.

Казалось, что после той битвы, каждый воин, неважно самурай он или асигару — все они познали не только ценность жизни. Но и её хрупкость.

Убавив шаг, Рен внезапно остановилась и невесело ухмыльнулась.

Она внезапно осознала, отчего воины стыдились взглянуть в глаза в своих соратников. Живя некогда жизнью полной пороков, девушка легко могла прочесть тайные мысли людей. И по странным случайностям, чаще открывались ей мысли порочные, темные, нежели светлые...

Несмотря ни на что, большинство из воинов жаждали жизни. Все их естество стремилось жить, и, столкнувшись со смертью, каждый из них открыл для себя истину, которая до сих пор дремала в глубине души.

Конечно, многие из них не еще не осознали. Но воля к жизни проявлялась коварным образом. Радуюсь своему спасению, в головах у них нет-нет, да проскальзывала мысль: хорошо что он, а не я...

Эта крохотная мысль была противна благородным душам воинов. Но она же делала их людьми, простыми смертными...

Маленькая капля упала ей на голову, отчего невеселые мысли на миг испарились. Подняв взор кверху, она с изумлением только сейчас заметила, как небо покрыли черные тучи. Не прошло и много времени, как начался ливень. Да, именно ливень, с огромными каплями влаги, которые стремительно падали с неба.

Легкая одежда сразу же промокла, но, несмотря на это, Рен молча стояла, рассматривая, как воины, засуетившись, начали в спешке прятаться в свои палатки.

Наверное, постороннему взгляду показалось бы странным, увидев, как девушка, промокая до нитки под дождем, широко улыбаясь, не делала попытки спрятаться.

Она стояла, словно околдованная, и люди её не замечали. Им не было до неё никакого дела. Но и ей, в свою очередь, не было никакого дела к чужим мнениям.

Рен искренне радовалась. Да и по правде говоря, девушка любила дождь. Ведь он в частности олицетворял собой для крестьян жизнь. И, словно подтверждая мысль девушки, дождь заставил воинов на минуту забыть о тревогах и утратах. Всё же в этой возникшей суете, люди начали приходить в себя.

Капли воды омывали не только землю, но и душу людей...

Рассматривая, как вместе с дождем оживал лагерь, девушка на время забылась. Но внезапная яркая молния и последовавший за этим звучный гром будто развеяли невидимые чары.

Рен сразу же вспомнила, что она собиралась навестить своего хозяина, Канске.

Шатер стратега девушка нашла быстро. Собираясь с духом, Рен не сразу вошла во внутрь. По правде говоря, девушка ожидала, что Канске сорвет свой гнев на ней. Ведь обычно вышестоящие так и поступали, зачастую отыгрываясь на своих слугах.

Блеклый огонь едва ли освещал шатер стратега. Пройдясь взглядом, Рен еще раз отметила, что шатер Канске был неброским. Да и ценностей как таковых в нем не было. Сам стратег сидел напротив, опрокидывая чашку одну за другой. Рядом с ним лежали пару кувшинов саке.

— Хо-хозяин?

Голос Рен подвел её. То ли из-за того, что парень был явно не в себе, то ли из-за чего другого, но девушка испытала страх.

Она, несмело подойдя ближе, увидела лицо Канске. Оно ничего не выражало. Ни потрясения, ни удивления. Словно Канске одел маску, и та, овладев им, не желала отпустить. От этой мысли по коже Рен пробежали мурашки.

— Канске, ты в порядке? — попыталась Рен.

— Они все умерли...

Ответил парень тусклым голосом.

Хоть девушка и опешила, но, с виду не показав этого, она уселась напротив стратега. Молча ожидая продолжения, Рен сняла маску и положила её рядом. Для неё странно было осознавать, что она не боялась теперь Канске. Девушка не воспринимала парня как угрозу. И наверное, проведя столько времени с ним и изучив его, Рен могла сказать, что она впустила его в свое сердце. Для неё это было ново, так как за свою жизнь, она ни разу не доверяла кому-то так сильно...

— Акала... Отряд Акала отправился прямо в бездну...

Рен знала, что в этой битве отряд, занявший центр, был полностью уничтожен. Рассеяв фланги

Такеды, воины Уэсуги начали охватывать центр, где командовал стратег. Вопреки всему, Канске не начал отступление, пытаясь выиграть время для Сингена и для дрогнувших воинов во флангах. Хотя отступление флангов нельзя считать за проявление слабости. Несмотря на количество врагов, воины под командованием Санады Юкитаки и принцессы Ю не побежали. И, пожалуй, на этот раз и сам Канске отдал бы душу богам, если бы не подоспели основные силы.

Тяжело вздохнув, Канске заворуженно смотрел на пламя, которое, будто почуяв чужой взгляд, продолжило свой танец.

Стратег на минуту застыл, и его глаза смотрели немигающее, отчего девушка заключила, что в этот момент парень прокручивает сражения в голове.

Рен боялась невольно привлечь к себе внимание стратега. В эту минуту парень ей казался прежним, безумным.

Словно очнувшись ото сна, Канске шумно вдохнул и припал губами к чашке.

— Несмотря на количество выпитого, я не пьянею. Не могу уйти в забытие, — пожаловался парень.

Рен лишь, в свою очередь, покорно ждала. Ведь людям порой нужно так мало. Разговорившись, Канске должен был прийти в себя. Но, будто услышав её мысли, парень звучно рассмеялся.

— Разве не забавно, все вокруг меня умирают, гибнут? Но не я. Эти глупцы считают, что меня хранит Хатиман.

Канске даже не смотрел в сторону девушки. Последней казалось, что стратег ведет беседу не с ней, а с призраками прошлого или душами умерших. Указательный палец парня проделал кривой круг, будто указывая на всех.

— Все думают, что я благословен. Но разве это не проклятие?!

— Ты думаешь, было бы лучше, если бы ты погиб?

Слова выскользнули сами по себе. Но даже после этого, стратег сидел, весь погруженный в себя. Рен подумала, что парень не услышал её, но тот внезапно ответил:

— Я не знаю. Но был бы благодарен, если бы враги нанесли мне ранение. А так я чувствую себя вором, подонком. Даже Харуна...

Последняя фраза утонула в непонятном бормотании. Но, несмотря на это, Рен поняла, что хотел донести до нее стратег.

Ведь в этой битве ранение получила сама Синген. И не от кого-нибудь, а от своего врага, Кенсина. После этой битвы никто еще не видел Сингена, но люди знали, что рана была глубокой. Поговаривали, что вся спина лорда Такеды порезана мечом Дракона из Этиго. Пожалуй, воины не выказывали обиду и боль из-за того, что была ранена сама Синген.

— А знаешь, что будет дальше?

Стратег вопросом застиг врасплох девушку.

Парень долго молчал, ожидая отклика, и Рен подыграла ему:

— Что?

— Уэсуги ведь не ушли, они поджидают...

Рассматривая чашку, будто увидев ее в первый раз, Канске словно забылся. Но его взгляд не был пустым или туповатым. Парень явно не был пьян.

— Поджидают чего?

— Они нападут на нас, выждав. Сейчас рана Харуны воспалилась, её мучает лихорадка. Что, само собой, повлияет на состояние наших воинов.

— Но разве Уэсуги не потеряли половину своих воинов в битве?

После битвы по приказу Сингена самураи посчитали число всех убитых воинов из Этиго. Их число достигло трех тысяч ста семнадцати человек. Каждый знал об этом, и, услышав это, Синген объявила, что победа за ней. Да, первая битва проиграна, но вторая, последовавшая сразу же после прибытия генералов Бабы Нобуфусы и Ямагаты Маскаге, была за Сингеном.

— Напав десятью тысячами, Кенсин оставила на поле три тысячи сто семнадцать воинов. Уэсуги явно ожидали, что вскоре в дело вмешаются наши основные силы и поэтому стремились добыть голову Харуны. Но мы должны признать, что, несмотря на удар с тыла, потери у Уэсуги минимальны. Наши потери наоборот, велики...

Рен и сама догадывалась, отчего Сингена не посчитала своих убитых воинов. Что же, слова Канске разъяснили ей это.

— Но разве мы будем сражаться?

В лагере каждый третий был ранен. Даже основным силам пришлось постараться, выигрывая сражение за броды реки. К тому же, видя разгром сил Сингена, воины под командованием Нобуфусы потеряли головы и бились кто как горазд...

Лишь это служило оправданием. Иначе, будучи далекой от воинских дел, Рен не знала, на что еще списывать то, что Уэсуги вышли с такими минимальными потерями.

— А кто нас будет спрашивать? Говорю же, Уэсуги ждут. И если они заметят слабость, то еще одного сражения не избежать...

На минуту в шатре воцарилась тишина. Лишь звуки грома доносились отчетливо.

— Хотя, мы всё еще выигрываем в количестве над противником. Однако, дух в армии Уэсуги высок, а у нас наоборот...

— Канске, разве можно падать духом? Ты ведь стратег, опора Сингена!

Девушка сжала ладони в кулачки. В этот миг она хотела дать неплохой оплеухи парню, чтобы тот, наконец, пришел в себя.

— По правде говоря, за оплошность в стратегии, воины могут меня вызвать к ответу. Ведь из-за нее умерли все славные сыны Каи и Синано. Но не обольщайся. Они не из-за того терпят меня, что простили оплошность...

Манера разговора начала выводить из себя девушку. Но вспомнив, кто перед ней, она

спросила:

— А из-за чего тогда?

— Из-за страха. Все прекрасно понимают ситуацию, в которой мы находимся. Моя жизнь пока ценна. Так как воины всё еще верят в то, что я могу вывести нас сухими из воды...

— Но что ты можешь? Ты ведь не всемогущ!

— Скажи это им...

Благодаря разговору, стратег будто пришел в себя. Но, внезапно подняв взгляд и посмотрев на лицо девушки, парень застыл.

Рен, в свою очередь, ухватила за маску и дико пожалела, что сглупила сегодня, сняв её с лица.

— Рен, я знаю, как можно выпутаться из этой ситуации, — медленно произнес парень, не отрывая от неё взгляда.

— Как? — обреченно спросила девушка.

Но, вместо ответа, парень звучно рассмеялся. Канске смеялся искренне, хватившись за живот. А из глаз текли слезы.

Девушка испугалась, что парень окончательно потерял рассудок. Но так как он быстро успокоился, Рен перевила дух. Однако, последовавшие слова вмиг выбили землю из её ног.

— Мы покрасим твои волосы в красное и оденем в доспехи Харуны. Рен, я понял почему тогда в трактире приметил тебя. Ты копия Харуны!

Опустив взгляд к груди, парень поспешно исправился:

— Хотя грудь маловата. Но не суть. Из-за сажи и грязных волос, я не разглядел ваши сходства в усадьбе. Да... Если мы убедим Кенсина и наших воинов в том, что Харуна в порядке, то воины Уэсуги уберутся к себе, в Этиго...

Канске говорил быстро, обрывками. Девушка, в свою очередь, не могла поверить в услышанное.

— Ты-ты бредишь! Ты сошел с ума!

— Возможно, не спору. Но тебе придется сыграть роль двойника...

— Я не могу, я не справлюсь! К тому же, как ты объяснишь людям, что Харуна за день исцелилась? — попыталась Рен донести абсурдность идеи до Канске.

Но тот от доводов девушки отмахнулся как от назойливой мухи.

— Ерунда. Если что, спишем на мое могущество, — смеясь, проговорил стратег.

— Я не... я не...

Начала заикаться Рен от шока. Видя её нарастающую истерику, Канске вмиг оказался рядом и

посмотрел в её глаза.

Их лица были настолько близки, что Рен уловила его дыхание.

— Рен, ты справишься, я буду рядом. Я даю тебе шанс изменить свою жизнь. Играя роль двойника Сингена, ты не будешь больше владеть прежнюю жизнь. Не скрою, будет нелегко. И я пойму, если ты не захочешь.

Отпустив её плечи, Канске отошел на шаг.

— Я не приказываю тебе и не угрожаю расправой. Если ты не согласна, можешь уходить прямо сейчас. Да, покинь лагерь так быстро, как сможешь...

— Но-но что будет с вами? С тобой?

Рен понимала, что не следует задавать эти вопросы и стоит воспользоваться шансом бежать без оглядки.

— Я не знаю... Вряд ли Уэсуги просто так нас отпустят из этой равнины...

Девушка понимала, что Канске ведет свою игру. Что таким образом он привязывает её к себе...

— Я сыграю роль двойника, но только в этот раз.

— Конечно, — ответил парень.

Хотя они оба знали, что Рен теперь будет служить клану Такеда...

День спустя

Войска Такеды начали располагаться возле реки Сайгава, что течет в Каванакадзиме. Увидев это, лазутчики Уэсуги сообщили Кенсину новость. Она тут же устремила к реке, и вот опять оба войска стояли друг против друга.

Их разделяла река, но намерения обоих враждующих сторон были очевидны. Воины Такеда и Уэсуги готовы были вцепиться снова в кровавой битве.

Настроение врага не ускользнуло от Кенсина, и она спросила своего советника:

— Усами, отчего дух в армии Такеды высок? Она не могла оправиться от ран, что я нанесла ей...

— Госпожа, нам стало известно, что Харуна выздоровела...

Лорд Уэсуги понимала, что если известие добыто с легкостью, то этого Такеда и добивалась.

— Этого не может быть!

— Говорят, что Канске Харуюки вмешался в дело, заполучив помощь божества...

Глаза девушки опасно сверкнули, но она ничего не сказала, лишь добавила:

— Посмотрим.

Кенсин, как и в тот раз, выехала вперед на коне, одна. С той стороны в ответ вышли два

всадника. Как только они подъехали ближе, Кенсин узнала Канске и Харуну по доспехам.

— Синген, почему ты прячешь лицо? — спросила Кенсин, чтобы рассмотреть ее.

Хоть из-под шлема выступали красные локоны волос, Лорд Уэсуги считала, что Канске вполне мог пойти на хитрость.

Однако Синген сняла шлем, и Кенсин увидела знакомое лицо, которое не так давно хотела погубить.

— Возвращайся домой, иначе тебя снова ждет поражение, — ответил Канске, вместо своей госпожи.

Подумав, что Харуне больно сидеть от ран и кричать во весь голос, Кенсин не придавала этому значения. По правде говоря, она восхитилась волей своего врага.

Ведь девушка знала, что Харуна получила тяжелые раны. Но, несмотря на это, она готова была биться на смерть. Это не могло не восхищать Кенсина.

— Говори что хочешь! Но мы ведь знаем, какую цену вы заплатили за это, — ответила Кенсин.

Канске и лорд Такеда молча смотрели на неё. Кенсин, в свою очередь, тоже выждав минуту, увела коня прочь.

В этот день не пролилась кровь. Но Кенсин не знала, что, по сути, Такеда маленькой хитростью взяла вверх. Никому и в голову не пришло, что вместо Харуны сидела самозванка.

В клане про участие Рен знали немногие. И в эту встречу настоящая Харуна лежала у себя в шатре. Боль пронзала её тело. По правде говоря, она не верила, что нелепая идея Канске получится.

Что все поверят...

<http://tl.rulate.ru/book/2255/44801>